

**НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА:
К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ
И 200-ЛЕТИЮ ЕГО «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»**

© 2020 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2020 г.

Аннотация. В статье, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 200-летию его «Философии права», представлены доклады участников конференции «Научное творчество Г.В.Ф. Гегеля и перспективы развития современной философии права».

Для обсуждения организаторами мероприятия были предложены следующие вопросы: философско-правовые идеи Гегеля в истории учений о праве и государстве; «Философия права» Гегеля и развитие философско-правовой традиции в XIX – начале XXI в.; исторические и современные интерпретации взглядов Гегеля; философия права: предмет, структура, функции, методология; отечественное философско-правовое наследие и современность; проблемы развития современных философско-правовых исследований; проблемы преподавания философско-правового знания.

Проблемы, затронутые в выступлениях участников конференции, вызвали оживленную полемику. Обсуждение темы преемственности в философии права было решено продолжить в последующих творческих проектах.

Ключевые слова: Г.В.Ф. Гегель, «Философия права», научное наследие, философия права, философско-правовые исследования, современность.

Цитирование: Кроткова Н.В. Научное творчество Г.В.Ф. Гегеля и перспективы развития современной философии права: к 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 200-летию его «Философии права» // Государство и право. 2020. № 12. С. 172–186.

DOI: 10.31857/S102694520012823-6

**SCIENTIFIC CREATIVITY OF G.V.F. HEGEL AND PROSPECTS
DEVELOPMENT OF MODERN PHILOSOPHY OF LAW:
TO THE 250th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF G.V.F. HEGEL
AND THE 200th ANNIVERSARY OF HIS “PHILOSOPHY OF LAW”**

© 2020 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 21.10.2020

Abstract. The article dedicated to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel and the 200th anniversary of his “Philosophy of Law” presents the reports of participants of the conference “Scientific creativity of G.V.F. Hegel and prospects development of modern Philosophy of Law”.

The following questions were proposed for discussion by the event organizers: Hegel's philosophical and legal ideas in the history of the teachings of law and the state; Hegel's “Philosophy of Law” and the development of

the philosophical and legal tradition in the XIX – early XXI centuries; historical and modern interpretations of Hegel's views; Philosophy of Law: subject, structure, functions, methodology; domestic philosophical and legal heritage and modernity; problems of development of modern philosophical and legal research; problems of teaching philosophical and legal knowledge.

The issues raised in the presentations of the conference participants caused a lively debate. It was decided to continue discussing the topic of continuity in the Philosophy of Law in subsequent creative projects.

Key words: G.V.F. Hegel, “Philosophy of Law”, scientific heritage, Philosophy of Law, philosophical and legal research, modernity.

For citation: *Krotkova, N.V. (2020). Scientific creativity of G.V.F. Hegel and prospects development of modern Philosophy of Law: to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel and the 200th anniversary of his “Philosophy of Law” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 172–186.*

29 сентября 2020 г. в Московском государственном университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась конференция «Научное творчество Г.В.Ф. Гегеля и перспективы развития современной философии права», посвященная 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 200-летию его «Философии права». Конференция организована кафедрой теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (РГУП), Центром философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

Конференцию открыли проректор по научной работе МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. **В.Н. Сنيюков** и зав. кафедрой теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. **А.В. Корнев**.

Ниже представлены доклады участников научного мероприятия.

В.В. Лапаева, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, д-р юрид. наук. Основные идеи гегелевской философии права и их развитие в творчестве В.С. Нерсесянца

В.С. Нерсесянц находился под большим влиянием Гегеля, научную систему которого считал вершиной философской мысли. В гегелевской философии права как части его философской системы абсолютного духа он особенно ценил диалектику и рассматривал гегелевскую философию права как реализацию диалектического метода в осмыслении права. Однако Нерсесянц не был гегельянцем, поскольку расходился с Гегелем в ключевом вопросе – в трактовке сущности права. И хотя эти расхождения касались не принципиальных основ, связанных с пониманием права как формы свободы, тем не менее они позволили ему претендовать на самостоятельный тип правопонимания¹, отличный от гегелевской философии естественного права.

Главное отличие в подходе Нерсесянца заключается в том, что он обосновывает наличие универсального сущностного принципа права, отличающего право от всех иных явлений (и прежде всего – от религии, морали и нравственности). При этом под сущностью права ученый понимает не просто свободу, а принцип формального равенства как единство трех составляющих (трех модусов

единой субстанции): всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости. Самое известное высказывание Нерсесянца по этому поводу, которое часто приписывают другим авторам, в т.ч. Гегелю: «Право – математика свободы»², – вовсе не было для него метафорой. Право, как указывал исследователь, своим всеобщим масштабом и равной мерой измеряет именно свободу в человеческих взаимоотношениях, «благодаря праву хаос различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому основанию и общей норме»³.

При всех отличиях философии права Гегеля от классического юснатурализма сам он обозначал свой научный подход как философское понимание *естественного* права. При этом идея формального равенства не была доведена Гегелем до сущностного принципа права, отличающего право от морали и нравственности⁴: «у права (в его гегелевском понимании и толковании) нет собственного принципа, выражающего его специфику и служащего критерием отличия права от морали, нравственности и т.д.»⁵. Показательна в этом плане критика Гегелем кантовского морального учения, в котором, по его мнению, «практический разум полностью лишен материи законов и способен установить в качестве наивысшего закона только форму пригодности максимы произвола»⁶. Нерсесянц, возражая здесь Гегелю, писал, что «в кантовском практическом разуме как раз присутствует... правовая “материя” (принцип правового равенства), адекватным выражением чего и является категорический императив»⁷.

Развивая гегелевскую диалектику всемирно-исторического процесса, Нерсесянц разработал концепцию *цивилизма*⁸ как нового общественного строя, в основе которого

² Нерсесянц В.С. Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 34.

⁴ См., напр.: Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 90.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 624.

⁶ Гегель Г. Политические произведения. М., 1978. С. 208.

⁷ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 623.

⁸ Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

¹ Подробнее см.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 124–174, 220–227.

право каждого гражданина на равную долю от десоциализации т.н. «общенародной собственности». Цивилизм, считал он, есть диалектический синтез частной и общественной собственности, в результате которого появляется индивидуальная (т.е. персонализированная, но не частная) собственность *каждого*. Соответственно, цивилизм представляет собой диалектический синтез сущности капитализма как общества, основанного на всепроникающей частной собственности и сущности социализма как общества, отрицающего частную собственность⁹.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. Г.В.Ф. Гегель и его видение предмета философии права

«Философия права» Гегеля, которой в этом году исполнилось 200 лет, — несомненно, одна из самых великих книг, если не самая главная, в сфере философии права, не утратившая своей актуальности и сегодня. Однако это вовсе не означает, что все, что написал выдающийся немецкий философ, является истиной в последней инстанции. Будучи объективным идеалистом, он именно с этих позиций писал все свои произведения. Большое спасибо ему за диалектику, пусть и в идеалистической трактовке. Кстати, некоторые современные представители философии начисто отрицают диалектический метод и поругивают Гераклита, упоминая при этом, что при жизни ему было присвоено прозвище «темный». Как раз за нее, за диалектику. Если честно признаться, то современная философия вызывает множество вопросов. Не совсем понятно, чем она все-таки должна заниматься. Если в юридической науке только ленивый не констатирует кризис, то в этой сфере и того хуже. Погнавшись за модными и не совсем убедительными теориями западного происхождения, отдельные российские представители философского знания (сознательно не употребляя слово «философ») просто дискредитируют философию (науку, искусство, мировоззрение, учебную дисциплину). Что она собой представляет? Едва ли не каждый дает свою версию. Марксистско-ленинская философия этим не страдала. Ясности было больше, как и определенности. Сейчас бесконечный поток бессознательного переносится на бумагу, в учебники и монографии. Рассуждения — все, конечная цель этих рассуждений — ничто. Ну и зачем такая, с позволения сказать, философия? Многие российские авторы с детской непосредственностью увидели три «переворота» в западном социо-гуманитарном знании — антропологический, лингвистический, прагматический. Заменяв гносеологию на эпистемологию, используя вышеназванные «перевороты», ринулись конструировать новую реальность — правовую, социологическую, политическую и даже философскую. Работы все как под копирку: ставим якобы проблему, но никак не предлагаем варианты ее решения. Да и проблемы-то зачастую нет. Во всяком случае она не столь очевидна. Совсем не радует, что социальные явления и факты подменяются представлениями о них. Социальное есть прежде всего представление о нем. Одним словом, мир политики, мир права — территория слов, производителей смыслов. Вспоминается Г. Горбовский, замечательный ленинградский поэт: «Все зыбко и мглисто, редеют наши полки, теснят модернисты прозрачную ясность строки».

Считается общепризнанным, что основной идеей всей философии Гегеля является тождество мышления и бытия, разумного и действительного. Если говорить откровенно,

многие положения Гегеля у меня вызывают уважительное непонимание. Боюсь, что у других такое же ощущение. Вполне вероятно, что это следствие недостаточной осведомленности относительно хотя бы основных течений философской мысли, как европейской, так и мировой. В России традиционно серьезные социальные и философские проблемы рассматривались в лучших произведениях нашей классической литературы. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что философия и социология имеют местом своего рождения русский психологический роман. Оттого сложные проблемы воспринимаются относительно легко. Иное дело «сумрачный германский гений». Как разуместь «объективный дух»? Любопытно, что в выпускной аттестации Гегелю была дана такая характеристика: «Не проявил никаких способностей к философии». Как тут не вспомнить о превратностях судьбы!

Гегель использует слово «право» в трех основных значениях: право как свобода (идея права); право как определенная ступень и форма свободы (особое право); право как закон (позитивное право).

Само словосочетание «философия права», как известно, придумано не Гегелем. Он заимствовал его у Г. Гуго — «Учебник естественного права, как философии позитивного права, в особенности — частного права». Гегелю показалось, что позитивное право не может быть предметом философии права. Это была бы чисто юридическая дисциплина. Он же полагал, что философия права — дисциплина философская, она является частью философии, именно той, которая принадлежит философии объективного духа(!?). Как об этом говорить практикующим юристам, я, право, не знаю.

Философская наука о праве, по Гегелю, имеет своим предметом идею права — понятие права и его осуществление. А почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой — воля, которая свободна. Как итог — «система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа».

Чтобы снять поводы для дискуссий, оговорюсь сразу. Я допускаю существование двух «философий права» — философскую и юридическую. Философия права как юридическая дисциплина, с моей точки зрения, есть составная часть общей теории права и государства. И убедил меня в этом никто иной, как Гегель. Понятие права — основной вопрос теории права в его «философско-правовом оформлении». В основе права может лежать любая идея — свобода, равенство, порядок, справедливость и пр. Но как эта идея может быть осуществлена (по Гегелю) в правовой сфере? Только посредством правотворчества, правореализации, правозащиты и т.д. Все юридические категории (догма права), такие как «правоотношение», «правоприменение», «правореализация», производны от понятия права. Гегелю — большое спасибо. Пытаясь отграничить философию права от юриспруденции, он намертво «застолбил» философию права в общетеоретической науке.

Споры в части предмета философии права продолжают. Содержание учебников не отличается единообразием. Хорошо ли это? Право, не знаю. Уверен в одном. Если бы у нас сохранился специалитет, никакой нужды в философии права просто нет. Проблема правопонимания и другие вопросы, такие как ценность права и ценности в праве, государственно-правовые идеалы, традиционно рассматривались в курсе теории государства и права. Говорить о том, что познавательные способности философии права гораздо

⁹ См.: Ланаева В.В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсеянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.

выше общетеоретических, как утверждают некоторые авторы, не выдерживает критики. Познает субъект, а никак не учебная дисциплина. Познает человек в различных отраслях научного знания. Некогда Д.А. Керимов в отношении учебников двух высочайших авторитетов юридической науки сказал буквально следующее: «Это к философии права не имеет никакого отношения».

В юридической науке, как представляется, необходимо сосредоточивать внимание на понимании права, на идеях, лежащих в основе права, и рассматривать «осуществление права», по Гегелю, через правовые средства и правовые категории под философско-правовой точкой зрения.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, д-р филос. наук. Гегель и философия права

Всю мировую философию права (прежде всего академическую) можно поделить на метафизическую и юридико-догматическую. Под метафизикой в данном случае следует понимать философию, в основе которой лежат умозрительные, взятые на веру аксиомы. В этом смысле к метафизике могут быть отнесены традиционные как идеалистические, так и материалистические учения. Так, марксизм — типичная метафизика, поскольку опирается на ряд недоказуемых, взятых на веру аксиом (первичность материи перед сознанием, коммунизм как конечная цель человечества и т.п.).

Главной особенностью юридико-догматической философии права является использование ею догматического метода, взятого из отраслевой юридической науки. В этом отношении юридико-догматическая философия права либо тождественна общей теории права, либо есть ее часть. Общая теория права формируется в Германии и России в конце XIX — начале XX в., в частности, как попытка унифицировать общую часть отраслевых юридических наук, сделать ее своего рода общетеоретической базой юридической науки, что в конечном счете не получилось. Отраслевая юридическая наука, как и всегда, продолжает опираться не на ходульные, придуманные теоретико-правовой наукой термины и конструкции, а на свой, веками выверенный понятийный аппарат. Общая теория права (юридико-догматическая философия права), достигая своего апогея в учении Г. Кельзена и Г. Харта, почти полностью отрывается от отраслевой юридической науки, оставляя себе лишь ее метод — юридико-догматический анализ социальной действительности.

Метафизическая философия права получает свои важнейшие свойства от философии, а именно мировоззренческий компонент. Метафизическая философия права нацелена главным образом на создание базовой смысловой модели политико-правовой действительности, на выявление ее ценностных императивов. Метафизическая философия права, получая свои главные свойства от философии и будучи ее частью, является философской дисциплиной. В XVII—XVIII вв., когда философия права формировалась как академическая дисциплина, ее метафизический компонент во многом привносился школой естественного права (рационалистической и метафизической по преимуществу). Особую роль в развитии метафизической философии права сыграли немецкая классическая философия (Кант (кантианство и неокантианство), Фихте, Шеллинг, Гегель (гегельянство и неогегельянство)) и марксизм. Последний всплеск метафизической философии права наблюдается в феноменологии первой трети XX в. Строго говоря, на Гегеле заканчивается господство метафизической философии

права, со второй половины XIX в. философия права постепенно уходит к юристам, которые отказываются от метафизики и создают свою юридико-догматическую философию права. По мере институционализации и специализации юридической науки философия все дальше отходит от юристов, интерес к ней все более угасает. В XX — начале XXI в. такое положение дел приобретает еще более выраженный характер. Метафизическая философия продолжает еще жить какое-то время в марксизме (Маркс, Энгельс, Каутский, франкфуртская школа) и феноменологии, но там философия права — далеко не главный элемент.

Особенность философии права Гегеля состоит в том, что она не имеет самостоятельного значения, это только часть его философской системы, что накладывает отпечаток на понимание им государства и права. Философия права Гегеля — периферия его философии, для него философия права — лишь еще один способ продемонстрировать возможности его диалектической логики. Гегель расширяет философию права до социальной философии и философии истории: государство и право получает у Гегеля многостороннее философское рассмотрение, что выглядит несомненным достоинством его философии права. Понятийный аппарат у него предельно абстрактный и в высшей степени авторский, в значительной мере оторванный от реальности, хотя изначально им ставилась задача дать философский анализ политико-правовой действительности. Тексты Гегеля изложены крайне небрежно, создается впечатление, что он их как бы вымучивает и записывает свои мысли так, как они приходят ему в голову, без попыток их литературно обработать (Чичерин о «варварском языке» Гегеля). Многие читатели по наивности часто воспринимают тексты Гегеля как глубокомыслие и искренне (а порой с удовольствием) пытаются расшифровать гегелевскую криптографию. Гегель консервативен не только в своей философской системе, но также в своих политических взглядах, что постоянно просматривается в его философии права. Как бы мы сейчас сказали, его философия права слишком политизирована и идеологизирована, он слишком тесно связан с прусской монархией, что для философа является большим обременением (о моральном аспекте не говорим, тем более что прусский режим мог ему действительно нравиться). Философия права Гегеля (как и вся его философия) не имела плодотворного продолжения, за исключением марксизма и франкфуртской школы, что не случайно: философская конструкция Гегеля слишком ходульна, искусственна, отличается ложной многозначительностью. Философия Гегеля опирается на ряд произвольно выбранных аксиом, оторванных от реальности и существующих только в сознании самого Гегеля.

В советской и постсоветской философии (философии права) роль Гегеля была своеобразной. В советский период интерес к философии Гегеля в основном был вызван господством догматизированного марксизма. Апологеты, а также скрытые и открытые оппозиционеры советской власти хотели понять, как появился на свет такой философский и политический гигант, как марксизм — феномен, оказавший огромное влияние на судьбы мира в XX столетии. Для многих интеллектуалов (в СССР и мире) Гегель и Маркс становились идейным оплотом тоталитарного социализма (вспомним знаменитую книгу К. Поппера «Открытое общество и его враги»).

На излете советской власти возрождается философия права, но не в метафизическом, а в юридико-догматическом ее варианте. Главную роль в формировании постсоветской философии права сыграли юристы, что и обусловило

ее юридино-догматический характер. Юристы оказались далеки от метафизической философии (в частности, от философии Гегеля), они восстанавливали философию права, отталкиваясь от общей теории права, а не от метафизической философии права. Наша современная российская философия права — по преимуществу юридино-догматическая, а философия права для большинства наших юристов — это часть общей теории права.

В становлении современной философии права роль философов оказалась крайне слаба, они не проявляли и не проявляют к ней интереса. Исключение составляют лишь те, кто вынужден читать соответствующие курсы, но, как правило, в форме истории философии права. На создание теоретической философии права у них, как представляется, не хватает творческого потенциала. Философия права Гегеля в их среде более популярна, но к появлению полноценной метафизической философии права это не привело. Философы во многом идут за юристами.

В контексте сказанного весьма показательно творчество В.С. Нерсесянца, который стоял у истоков нашей современной российской философии права. Его влияние состоит, в частности, в том, что он первым предпринял попытку создать философию права на основе общей теории права, возможно, не осознавая этого. В его либертарной теории определяющую роль играет не философия Гегеля («право есть свобода»), не метафизика, а догматический метод (исключительно формальное понимание права как триединства свободы, равенства и справедливости). Мировоззренческих, смысловых аспектов права в его теории почти нет. Здесь он напоминает Кельзена, который также обращался к проблемам свободы, справедливости, ценностей, но исключительно в формально-догматическом духе, как юрист-догматик.

В.Н. Корнев, проректор по научной работе РГУП, д-р юрид. наук. Категория «признание» в философии права Гегеля и ее влияние на современную философско-правовую мысль

Категория «признание» глубоко и всесторонне разработана в философии права Гегеля. Об этом можно судить как по работам самого философа, так и на основании трудов исследователей гегелевского наследия. Идея признания, где явно, а где не явно проходит через все работы Гегеля и находит свое концентрированное выражение в формуле великого немецкого философа «человек есть признание». Известный современный исследователь Гегеля А. Кожев (Кожевников) писал: «Человек как человеческое существо... существует лишь в той мере, насколько он признан: признание одного человека другим составляет самое его бытие (как говорил Гегель: “Der Mensch ist Anerkennen”)¹⁰. По справедливому утверждению еще одного гегелеведа Эрика Вейля, центром интерпретации гегелевского мышления является признание¹¹. Концепцию признания Гегель обосновывает в своей работе «Феноменология духа»¹².

Однако значение признания Гегель не ограничивает индивидуальным актом: признание человека человеком. Человек по отношению к другому человеку становится в равное

положение только в случае универсального признания, которое является актом государства. Именно после этого индивид становится правовым лицом (субъектом права) и способен обладать всеми политическими и иными правами. Таким образом, государство своим актом признания человека придает ему юридические свойства, обладая которыми люди становятся юридически равными, т.е. равноправными независимо от их субъективных качеств. «В акте признания (Anerkennen) личное Я прекращает быть особенным и изолированным (Einzelne); оно существует (ist) юридически (то есть универсально или в качестве абсолютной ценности), в акте признания, то есть оно больше не ограничивается своим непосредственным (или природным) эмпирическим существованием (Dasein)... человек с необходимостью существует как признание и как признающий...»¹³, — писал Гегель. В государстве как действительности конкретной свободы, состоящей в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие и *признание своего права*. За личностью государство признает правоспособность. «Отсюда, — как отмечал Гегель, — веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц»¹⁴.

А. Кожев выстраивает собственную философию права именно на интерпретации гегелевского понимания признания. С помощью этой категории он исследует современные проблемы права, власти и государства. Его мысль относительно феномена государственной власти сформулирована следующим образом: «Можно сказать, что происхождение власти есть генезис ее “признания” теми, кто ей подчиняется»¹⁵.

Нельзя не отметить, что приведенное выше суждение А. Кожева есть в своей основе развитие идеи Гегеля: «Необходимый образ мыслей и действий граждан по отношению к государству и правительству заключается не в слепом повиновении их приказам и не в требовании, чтобы каждый давал свое индивидуальное согласие на учреждения и мероприятия государства, а в доверии к нему и в благоразумном повиновении ему»¹⁶.

В русской теории права и государства подобную концепцию государственной власти развивал Н.М. Коркунов, который сводил понятие сущности государственной власти к признанию подвластными своей зависимости от авторитета¹⁷.

В контексте современных философско-правовых проблем для нашего исследования представляют интерес особенности интерпретации категории «признания» французским философом П. Рикёром. В своих рассуждениях в качестве отправного момента он берет категорию «правоспособность». Рикёр считает, что способность человека быть субъектом права в антропологическом смысле слова дается ему от рождения.

¹³ Цит. по: Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / пер. с франц. и послесл. И. Фомина; ред. В. Большакова. М., 1998. С. 97; см. также: Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 315, 316.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столлнера и М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. С. 98.

¹⁵ Кожев А. Понятие власти. М., 2006. С. 55.

¹⁶ Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 315, 316.

¹⁷ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 1904. С. 260, 263.

¹⁰ Кожев А. Источник права: антропогенное желание признания как источник идеи справедливости // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 156.

¹¹ См.: Вейль Эрик. Гегель и государство. Пять докладов / пер. с франц. В.Ю. Быстрова. М., 2009. С. 210.

¹² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. 2-е изд. М., 2014. С. 113–118.

Но для того, чтобы он стал субъектом права, необходимо соответствующее институциональное опосредование, т.е. признание государством правоспособности лица. По словам Рикёра, «индивид без институционального опосредования представляет собой лишь некий эскиз человека, и именно его принадлежность к политическому телу необходима для того, чтобы он раскрылся как человек...», что является «достаточным условием для перехода человека способного к реальному гражданину»¹⁸.

Концепция Рикёра интересна тем, что она направлена на критическое осмысление теории общественного договора, согласно которой индивид уже является субъектом права перед тем, как войти в договорные отношения; он уступает свои реальные, как пишет Рикёр, натуральные, т.е. естественные, права в обмен на безопасность, как у Гоббса, либо на гражданство или подданство, как у Руссо и Канта.

Таким образом, в философско-правовом смысле категория «признание» означает акт государства, носящий универсальный характер, в результате которого за человеком признается наличие определенных юридических свойств, позволяющих рассматривать индивида в качестве субъекта права. Данный акт признания не требует учета каких-либо дополнительных условий и соблюдения специально установленных законом процедур и процессуальных требований.

В современных системах права такие акты признания, которые носят универсальный характер, находят свое выражение в конституциях и других нормативных правовых актах основополагающего, фундаментального значения. Категория «признание» положена в основу таких документов международно-правового характера, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о правах человека 1966 г. и др.

В Конституции РФ 1993 г. (в частности, в ст. 2 и 17), а также в конституциях многих современных государств содержится положение, констатирующее факт признания прав и свобод человека и гражданина.

В. С. Горбань, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований ИГП РАН, д-р юрид. наук. Гегель и Савиньи: у истоков дисциплинарного оформления науки права

Юридическая наука в условиях перемены парадигмы упорядочения научного знания в начале XIX в., связанной с артикуляцией установки на предметно-дисциплинарную его организацию, приобрела ту дисциплинарную форму, которую мы видим и которой преимущественно пользуемся и сегодня. В этих переменах существенную роль играла философия Гегеля. В поисках разумного обоснования картины мира ему удалось сформулировать несколько важных приемов познания, без учета которых последующее развитие дисциплинарной формы науки права невозможно. В Гегеле немецкая идеалистическая философия, как традиционно подчеркивается в философской литературе, достигла своего апогея. Но, говоря о Гегеле, нужно непременно иметь в виду немецкую идеалистическую философию (Канта, Фихте, Шеллинга).

Решительное влияние на дисциплинарность науки права сыграла в первую очередь обоснованная Гегелем мысль о возможности рационального объяснения мира на основе общего и единого трансцендентального начала. Иными

словами, это была идея системы. В философии Гегеля идея системы имеет диалектический характер, который проявляется, последовательно развиваясь и в логике, и в истории. Применительно к философии права Гегеля отметим, что наиболее важная ее заслуга состояла не в открытии новых правовых знаний (многое из того, что есть в философии права Гегеля, было известно и до него), а прежде всего в том, что знания о праве вместо, как писал сам автор, «бесформенно растекающихся мнений» были упорядочены в стройную теоретическую модель, в структуре которой вопросы предмета, метода и системы стали центральными. Спустя более чем 30 лет после появления философии права Гегеля, Р. Иеринг подчеркивал, что благодаря гегелевской философии право теперь, как нечто самой собой разумеющееся, мыслится как идея, как самостоятельная сущность, обособленная от других сфер общественной жизни (по Гегелю, «архитектоника разумности»).

Мысль о системе и единстве в понятии права была подхвачена в начале XIX в. другим выдающимся представителем эпохи Ф. К. Савиньи. Он, в частности, утверждал настойчиво мысль о необходимости не только исторического метода в правоведении, прославившего его школу, но и «философского» или системного. Источником богатого и разнообразного фактического материала были, безусловно, римские правовые источники, но способ упорядочения и объединения знаний — заслуга немецкой пандектистики XIX в., обогатившей свой методологический инструментарий результатами развития идеалистической философии.

Вся последующая юриспруденция XIX в. непременно подчеркивала центральную роль системного взгляда на право. В наше время эти идеи настолько прочно вошли в сознание юристов и философов права, что они, как правило, воспринимают эту мысль как нечто само собой разумеющееся. Хотя в XX в. популярность различных концепций права, построенных на исходной посылке о приоритете иррационализма, стала антиподом классической науки права, тем не менее именно мысль о целостности и единстве права и необходимости познания его в системном виде пока удерживает правовую науку от агрессивного влияния релятивизма и радикальных версий эмпиризма.

Важным элементом структуры юридической науки стала инспирированная Гегелем установка на познание и разъяснение права в форме общих понятий. Это определенно была одна из существеннейших черт гегелевской философии. Вся последующая юридическая наука непременно в той или иной форме артикулирует логику правопознания и правопонимания в форме общих понятий, споря в основном лишь о способах их конструирования и формулирования.

В. В. Лазарев, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ. Регулятивные возможности права в свете идей Г.В.Ф. Гегеля

Гегель — признанный авторитет в области философии права. Теоретики обращаются к нему, когда решают свои собственные проблемы и нуждаются в хорошем методологическом обосновании своих выводов. Одной из таких проблем являются понимание права и установление регулятивных возможностей права. Отвлекаясь от многих весьма существенных сторон такого исследования, обращая внимание на одну, практически не известную отечественной науке: установление объекта регулирования, сферы регулирования и границ регулирования в связи с различием

¹⁸ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 40.

права и «неправа». Гегель такое различие проводил и диалектику их взаимосвязи устанавливал.

Организаторы конференции сориентировали участников на «современные интерпретации взглядов Г.В.Ф. Гегеля», и в этом плане достойна внимания недавно опубликованная статья проф. В.В. Ершова «Право и неправо с позиции Г.В. Гегеля»¹⁹. Она побуждает непосредственно обращаться к Гегелю, к проникновению в суть его философии права. При этом оказывается, что видение «неправа» современным автором иное, чем у классика: если у Гегеля «неправо» есть «неистинное» и «исчезающее» право, то у В.В. Ершова последнее «является объективно необходимым индивидуальным регулятором правоотношений для определенного числа лиц, которое не может “исчезать”, а во взаимосвязи с правовым регулятором более эффективно регулирует правоотношения»²⁰. «Отождествление права и “неправа” теоретически дискуссионно, а практически контрпродуктивно»²¹.

Приходится констатировать, что критические стрелы в адрес позиции Гегеля не долетят до цели, поскольку выпущены на другом поле и не в ту сторону. По Ершову, право — это принципы и нормы, а неправо — это индивидуальные регуляторы правоотношений. И различать право и неправо следует по тому, обязательные это регуляторы или необязательные, и по тому, распространяются они на неопределенное число лиц или на вполне определенных лиц. Типичный судебный акт здесь — это типичное неправо.

А что же Гегель выделяет в качестве «неправа»? А выделяет он такие виды, как «непреднамеренное или гражданское неправо, обман и преступление». Как убеждаемся, совсем не то, что современный нам автор и совсем не по тем критериям. Это и неудивительно: один смотрит как философ права, другой рассуждает «с позиции общей теории права». И похоже, авторы не знают позиций друг друга.

Читая в свое время Гегеля в университете, приходилось намеренно упрощать понимание права философом следующим кейсом. Человек, обнаруживший отсутствие в кошельке денег и обмозговывая свое положение, решает идти «под мост», дабы отнять у проходящего там. Спрашивается: он поступает по праву или противоправно? У Гегеля — по праву. И преступление, по существу, есть право. Право, по Гегелю, как известно, — осуществление свободы свободной воли. Воля грабителя свободно определилась и нашла свободу под мостом для своей реализации. Преступление есть одна из разновидностей права, которую Гегель относит к «неправу».

Право, по Гегелю, представляет собой наличное бытие свободной воли, и это «не есть закон, а объективный мир свободы, творимый разумом и индивидуальной волей отдельных лиц, проявляющей волю всеобщую». Понимание права Гегелем должно в полной мере использоваться для концептуального обоснования саморегуляции, ее преимуществ перед внешним регулированием и одновременно для демонстрации того, как право может превращаться в свою видимость (квазиправо), как оно переходит в «неправо» (ту или другую разновидность правонарушения), как право возвращается к себе посредством отрицания «неправа»²².

¹⁹ Росс. правосудие. 2020. № 9.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же.

²² Гегель. Философия права. Раздел третий. Неправо (Unrecht): § 82. URL: <http://psylib.org.ua/books/gegel03/txt04.htm>

Гегель пишет: «Право, которое в качестве особенно-го и, следовательно, многообразного получает в противоположность своей в себе сущей всеобщности и простую форму видимости, есть такая видимость частью в себе или непосредственно, частью полагается как видимость посредством субъекта, частью вообще как ничтожное; это непреднамеренное или гражданское неправо, обман и преступление»²³.

Можно было бы и далее акцентировать внимание на тонкостях философского анализа Гегелем права и «неправа», но мы поставили иную цель: обратить внимание на то, что названное различие — один из возможных фундаментов для признания регулятивных возможностей права как «внутренней всеобщности» и законодательства как объективации того, что есть «право в себе», на пути реализации идеи права, суть которой в свободе.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права МГЮО им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук. *Обоснование правопорядка в договорных теориях XVII–XVIII вв., «Философия права» Г.В.Ф. Гегеля и современной философии права*

Правопорядок в контексте темы выступления обозначает должное, желаемое, конституируемое состояние общественных отношений и понимается как единство нормативного, задающего систему правоотношений, и реального, юридической практики. Речь может также идти об обоснованиях государственного строя или правовой системы, но термин «правопорядок» представляется здесь более удачным (более нейтральным, менее обязывающим).

Договорные теории XVII–XVIII вв. (Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) характеризуются в общем-то схожей логикой построения. Сначала рассматриваются качества человека, его рациональная и эмоциональная природа, далее выясняется сущность человеческого общежития (общества), дается видение взаимоотношений людей без стоящей над ними власти, их естественных прав. Далее общий подход к конструированию договорных теорий предполагает переход от догосударственного состояния общества к причинам необходимости заключения социального контракта и его пониманию; затем — к особенностям устанавливаемого через общественный договор правопорядка, к видению государства, его организации, законов и т.д.

Основоположник немецкой классической философии И. Кант признавал договорную теорию, Гегель подвергал ее критике. Концепции этих мыслителей называют высшим выражением философского рационализма в сфере построения политико-правовых доктрин. Обычно договорную теорию не сравнивают с идеями немецкой классической философии, считая последнюю самостоятельным интеллектуальным феноменом, но такое сравнение вполне может быть сделано. Взгляды Канта и Гегеля формировались в интеллектуальной атмосфере своего времени, которая в XVIII в. в части решения политико-правовых вопросов была в значительной степени задана договорной теорией. И в ее логике (человек, его качества и особенности взаимоотношений людей — необходимость государственной организации общественной жизни — обоснование правопорядка, государственно-правовых институтов) также могут быть рассмотрены оригинальные и в интеллектуальном плане явившиеся шагом вперед концепции Канта и Гегеля. Так, «Метафизические начала учения о праве» начинаются с метафизики нравов и учения о праве, далее Кант переходит к конструированию публично-правового порядка.

²³ Там же. § 83.

В «Философии права» Гегеля развитие объективного духа дается через раскрытие диалектического движения понятия права (как определенной ступени и формы свободы) от его абстрактных форм до конкретных — от абстрактного права к моральности, а затем к нравственности (семье, гражданскому обществу и государству). Каждая ступень самоуглубления идей свободы и конкретизации понятия права есть определенное наличное бытие свободы (свободной воли) и соответствующее «особое право»; это относится к личности (к абстрактному праву, морали), семье, обществу и государству; последующее «особое право» первичнее и сильнее более абстрактного. На вершине иерархии «особых прав» стоит право государства, над которым возвышается лишь право мирового духа²⁴. Как видно, гегелевское понимание права, предусматривая и философско-правовую рефлексию государства, приводит в конечном счете к соответствующему пониманию правопорядка.

Следует, по всей видимости, констатировать, что отечественная философско-правовая традиция начала XXI в. фактически утратила в качестве обязательного элемента обоснование действующего правопорядка, государственности и права. Этот элемент был и в гегелевской философии права, и в договорных теориях XVII—XVIII вв., которые явились теоретическим обоснованием первых деклараций прав и конституций и в которых получили концептуальную разработку ценности, составляющие основы конституционного строя современных государств: демократия, права человека, разделение властей, представительство и др.

В современных научных публикациях философско-правового характера, в проблематике учебных курсов философии права, преподаваемых на уровне магистратуры, не просматривается одна из целей философии права, заданная историческими концепциями, — обоснование действующего правопорядка. Это не чувствуется и в научном обсуждении путей развития философии права; к примеру, на авторитетном научном форуме, состоявшемся в декабре 2016 г.²⁵, в очень немногих выступлениях, в основном ученых-юристов (Г.А. Гаджиев, Н.С. Бондарь и др.), говорилось об отдельных практических аспектах философии права.

Чаще всего в современных отечественных философско-правовых построениях речь идет об осмыслении феномена права — о разных вариантах правопонимания, о правовой гносеологии, о правовой аксиологии, правовой антропологии. Вообще вопросы государства в большинстве современных философско-правовых работ и проектов вторичны; более того, может предлагаться исключительно негативное восприятие государства и устанавливаемого им правопорядка через критику позитивистского подхода к пониманию права, через противопоставление исторической авторитарной и тоталитарной государственности идеям свободы и прав человека.

Представляется, что комплексный философско-правовой анализ по необходимости должен включать и соответствующее философско-правовое видение государства, и конструкцию правопорядка. Философия права должна доходить до обоснования основ конституционного строя

²⁴ См.: *Нерсесянц В.С.* «Философия права»: история и современность // *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. С. 6, 7, 15, 16.

²⁵ См.: *Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др.* Пути развития философии права в России: круглый стол междисциплинарного Центра философии права Института философии РАН. 7 декабря 2016 г., Москва // *Росс. журнал правовых исследований.* 2017. № 1 (10). С. 9—49.

и отраслевых принципов права, в которых находят выражение ценности нашего общества. Если этого нет, принципиальные философско-правовые вопросы будут решаться в рамках отраслевых наук или политической, правовой практикой самостоятельно.

Философия права должна быть сориентирована не только на историю политических и правовых учений, на прошлое, но и на современность, на будущее, прогностику и футурологические теории. Иногда, читая работы философско-правового плана, складывается впечатление, что постановка многих вопросов дается исключительно в традициях уже ушедшего времени, и современная философия права слепа и глуха к политико-правовым проблемам начала XXI в. А ведь Гегель в «Философии права» давал ответы именно на вопросы своей эпохи. Таким образом, если философия права не доходит до принципиальных проблем юридической действительности, до обоснования основ правопорядка (и конституционного, и отраслевого) — это сразу снижает ценность философско-правового знания, его восприятие и учеными в отраслевых юридических науках, и студентами в учебном процессе.

Е.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Юго-западный университет политологии и права, Китай, г. Чунцин, д-р юрид. наук. *Философия права Гегеля: вопросы методологии*

Гегель — классик философии, его творчество актуально во все времена. В «Философии права» немецкий энциклопедист решает многие юридические вопросы: обосновывает институты гражданского общества, раскрывает способы борьбы с охлосом, аргументирует негативное отношение к революции («свобода пустоты», «фурия разрушения»), критикует механизм разделения властей как системы сдержек и противовесов, показывает свое концептуальное несогласие с проектом вечного мира Канта и др. В их постановке и решении Гегель — скорее реалист, чем идеалист. Однако по предложенному способу познания права и государства можно сказать, что Гегель — прежде всего философ, а затем — социолог, политолог, юрист. Гегель — мыслитель, у которого логико-методологическая часть учения преобладает над политико-правовой программой и содержанием доктрины: понятия абстрактного права, морали, нравственности, образующие объективный дух, снимаются на более высокой стадии развития понятиями абсолютного духа.

Политико-правовые проблемы Гегель раскрыл на основе разработанной и последовательно проведенной в своих работах методологии — диалектики. Особенность его философии права заключается в сведении абстрактных начал к конкретному единству. На творчество Гегеля во многом повлияла философия Канта. Однако, высоко оценивая «Критику практического разума», Гегель ожидал от идей Канта не только переворота в области мысли, но и надежды на политические преобразования, поэтому он выступил с критикой кантовского дуализма между идеалом и действительностью. Если у Канта идеал есть бесконечная цель, то Гегель, сосредоточив внимание на средствах достижения морального прогресса, критиковал должное, неспособное воплотиться в реальности. Если в области философии права Кант остался на принципах формализма, то Гегель представил социально-философскую систему, в которой отдельные стороны общественной жизни берутся в совокупном единстве. Если этика Канта имеет индивидуальный характер, то этика Гегеля — социальна, что сближает его философию с построениями неокантианцев. Гегель уже на уровне категорий абстрактного права указывает на связь между автономией воли и воспитательным влиянием

общественной среды, т.е. связывает этический рационализм с эмпирическими условиями. В третьей части «Философии права» (нравственность) он показывает гармоничное общение лиц, в котором свобода совмещается с государственным единством. Однако характер диалектического метода таков, что понятия права и государства берутся в идеальном виде, очищенном от разнообразия исторических положений. Развитие у Гегеля — это не исторический ход событий, а диалектика понятия. Государство и общество, согласно его философии, — не обычные эмпирические явления, а нравственные их основы. Исходной точкой построений Гегеля выступает идея государства в его нравственном и разумном значении, поэтому объективная нравственность есть нечто, чуждое субъекту, а мысль о гармонии личности с обществом получает слишком аподиктический характер.

Кроме этого, говоря о методологических особенностях философии права Гегеля, можно отметить противоречия между диалектикой (методом) и содержанием всей системы. В конце «Философии права» дается обзор истории человечества. Сущность истории, по Гегелю, заключается в развитии самосознания, а ее завершение представляется как примирение абсолютного и субъективного. Примирение достигнуто, государство стало образом и действительностью разума. Развитие абсолютного духа пришло к тому моменту, когда примирение стало возможным, поэтому можно требовать, чтобы оно сделалось действительным. Политический идеал немецкого философа (конституционная монархия английского образца и прусские учреждения) демонстрирует дуализм абсолютной идеи и неразумной действительности. Гегелевский призыв к смирению безграничной свободы перед объективными началами жизни в «Философии права» и в еще большей степени в его последних статьях свидетельствует о консерватизме во взглядах философа. Гегелем вводится новый смысл в философский контекст, цель которого — сочетать частное с общим, свободу с законом, личность с государством, однако проблема политического отчуждения решается им скорее умозрительно — примирением с разумной действительностью.

Тем не менее до настоящего времени философию Гегеля с точки зрения масштабности поставленных вопросов и системности их решения нельзя считать превзойденной. Гегель — первый теоретик, четко отделивший сферу гражданского общества, «государство нужды и рассудка», где каждый индивид есть «для себя — цель», от государства как публичной сферы. Это отделение в методологическом плане повлияло на последующую политико-правовую мысль: перефразируя классиков, можно сказать, что «все вышли из гегелевской “Философии права”»: Прудон, Штирнер, Бакунин, Маркс, Энгельс, создавая свои концепции, исходили из институтов гражданского общества; Лассаль и другие сторонники социальной демократии взяли за основу своих теорий публичный интерес и создали не менее значимые политико-правовые доктрины.

О.В. Мартышин, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук. Философский подход к познанию права

С этической точки зрения Гегель — мало привлекательная фигура: философ на государственной службе, университетский профессор, удовлетворявший философские, ныне мы бы назвали идеологические, потребности власти. Служба деформировала его мировоззрение, ставила пределы диалектике.

Хрестоматийна гегелевская манера изложения, нарочито усложненная, эзотерическая. У одних она вызывает

священный трепет как высшая мудрость, у других — глубокую неприязнь. Разумное отношение к стилистике Гегеля — ирония, образец которой дал А.И. Герцен, заметивший, что «Гегель во время своего профессорства в Берлине долею от старости, а вдвое от довольства местом и почетом, намеренно взвинтил свою философию над земным уровнем»²⁶. Тем не менее попытка К. Поппера лишить Гегеля статуса великого философа, апеллируя в т.ч. и к литературной форме его сочинений, не увенчалась успехом.

В наследии каждого философа, затрагивающего проблемы государства и права, есть две стороны — политическая и научная. В плане своих политических пристрастий Гегель — консерватор, не лишенный элементов либерализма и приветствовавший реформы, исходившие сверху. Защищая монархию, которую трудно назвать конституционной в строгом смысле этого слова, он выдвигает свой вариант разделения властей, где королевская власть — не исполнительная, а особая, стоящая над исполнительной и законодательной властью и воплощающая суверенитет государства. Политическая позиция Гегеля установлена достоверно. Оценки её колеблются в соответствии с конъюнктурой. В связи с креном в сторону консерватизма в Российской Федерации можно ожидать корректировки отношения к Гегелю.

Из многообразного научного наследия Гегеля коснуться только одного вопроса, которому не уделится должное внимание в современной отечественной юридической литературе при всей его важности для теории и философии права. Речь идет о гегелевском понимании права.

Доминирует точка зрения, что Гегель принадлежал к школе естественного права²⁷. Мнение двух талантливых и, увы, рано скончавшихся исследователей, Ю.Ф. Сальникова (ВЮЗИ) и Е.А. Воротилина (юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), полагавших, что Гегель придерживался исторической школы права²⁸, не принимается во внимание. У названных авторов были предшественники. К исторической школе права относил Гегеля и Г. Радбрух²⁹. К. Поппер критиковал историцизм Гегеля. У Гегеля нет важнейшего признака «юснатурализма» в варианте, сложившемся в XVII–XVIII вв., — противопоставления естественного и позитивного права.

Отнесение Гегеля к исторической школе также сомнительно. Более убедительным представляется самоидентификация Гегеля, который говорит о «естественном или философском праве», понимая их как синонимы. Гегель различает понятие права и наличное бытие этого понятия. Они отличаются друг от друга и в то же время едины. В основе их единства и взаимопроникновения лежит идея права. «Идея права — свобода, и подлинного её понимания мы достигаем лишь тогда, когда познаем её в её понятии и его наличном бытии»³⁰. Судя по всему, идея права и есть «философское право». Поскольку последний термин

²⁶ Герцен А.И. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 18.

²⁷ См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2005. С. 182; Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории jus. М., 2012. С. 119.

²⁸ См.: История политических учений. Ч. 1 / под ред. К.А. Мокичева М., 1959. С. 323 (автор — Ю.Ф. Сальников); История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. С. 312 (автор — Е.А. Воротинин).

²⁹ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 30.

³⁰ Гегель. Философия права // Гегель. Соч. Т. VII. М., 1934. С. 26.

стилистически неудачен, удобнее говорить о «философском подходе к праву».

Это особый тип правопонимания, ставший классическим благодаря Канту и Гегелю. Приоритет, бесспорно, принадлежит Канту. В знаменитом определении права Канта Гегеля не устраивало то, что в нем субстанциональной основой выступает будто бы воля отдельного лица. По Гегелю, пределы свободы определяют не лица, а мировой дух. Тем самым Гегель вывел идею права за рамки юриспруденции и включил в неё, что отмечал Е.А. Воротилин, широкий круг общественных явлений (мораль, нравственность в гегелевском понимании, государственный интерес). Кант создает метафизические начала учения о праве. Гегель вводит право в систему всеобщей метафизики.

Философский подход к праву за редкими исключениями не включается в нашей литературе в перечень основных типов понимания права. Между тем это самостоятельная теория. Она совместима со всеми теориями права и не противоречит им. Более того: и оба вида позитивизма в праве, и теория естественного права выступают по отношению к философскому подходу как частный случай. Если нужно универсальное определение права, его предложил Кант, и пока никому не удалось создать что-то более совершенное.

Н.В. Кроткова, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции ИГП РАН, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук, канд. юрид. наук. *Государство и общество в философии права Гегеля: проблема разграничения*

На всем протяжении истории философии права выдающиеся умы пытались выявить и проанализировать свойства государства и государственной власти. В античности больше других в этом отношении сделал Аристотель. Он с разных сторон подходит к феномену государства, стремясь установить его характерные черты. Так, он пишет: «Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной» (Политика, 1277b7–13). Государство есть политическое общение граждан, организуемое ради блага и стремящееся к высшему из всех благ (Политика, 1252a1–5, 1276b2). «Государственное устройство (politeia) – это распорядок в области организации государственных должностей, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (politeuma), а последний и есть государственное устройство» (Политика, 1278b8–11). Как видим, ухватываются многие существенные свойства государства, но четкого отделения его от общества нет, поскольку сама жизнь древнегреческого полиса такого деления не знала.

В эпоху буржуазных революций возникает государство современного типа, которое опирается не на сословия, а на армию, полицейский и административный аппарат. Его важнейшей чертой становится максимальное (если сравнивать с другими историческими эпохами и культурами) удаление публичной власти от общества. Если в условиях феодализма государство, сословия, экономика, церковь представляют собой почти единство, то буржуазные революции разводят эти элементы общества на разные полюса. Экономика отделяется от государства, а с ней – класс буржуазии, который противопоставляет себя сначала абсолютистскому государству, затем – буржуазному. Несмотря на то что буржуазия создает свое правовое государство, она устанавливает систему, при которой общество посредством различных институтов

(партии, профсоюзы) держит на дистанции государственную власть и контролирует ее. Однако в работах Гоббса, Локка, Руссо, Канта данный процесс не отражается. Даже Локк, участник «Славной революции», не может четко сформулировать, где заканчивается государственная власть и начинается общество. В этом отношении он уступает Аристотелю, хотя эпоха, в которую жил Локк, много больше способствовала проведению такой разделительной черты.

Гегель творит на рубеже XVIII–XIX вв. в условиях полufeодальной, полубуржуазной Пруссии, где буржуазного, правового государства еще нет, сословное общество и государство трудно различимы. Тем не менее именно Гегель четко и убедительно обосновывает различие между обществом и государством. Он использует термин «гражданское общество» уже не как аналог государства, а в нашем современном понимании. Им проводится детальный анализ взаимосвязей государства и общества, показывается процесс их взаимного влияния. Общество, утверждает Гегель, пронизано частным интересом, эгоизмом индивидов, государство разрозненное множество отдельных лиц объединяет в единое политическое целое, в нацию. Общество живет материальными потребностями, государство – идеей долга и высшими духовными запросами («государство есть действительность нравственной идеи»). Вместе с тем Гегель все еще находится во власти средневековых представлений: к гражданскому обществу он относит суд и полицию – по современным меркам институты государственные. Феодальная Пруссия давала основания для такого вывода.

В настоящее время подход Гегеля к проблеме разграничения государства и общества не только не устарел, но продолжает оставаться надежной методологической основой. Гегель – не юрист, мы не найдем у него знаменитые признаки государства (власть, население, территория), но его одновременно и философский, и социологический анализ дает точные ориентиры для исследования проблемы разграничения государства и общества.

К.В. Агамиров, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, д-р юрид. наук. *Юридическое прогнозирование и будущее права в свете гегелевской философии*

В «Науке логики»³¹ Гегель впервые в истории философии предпринял попытку разработать и развить диалектические формы мышления. При этом истина для него не есть нечто готовое, она не может возникнуть сразу, подобно, как он сравнивает, «пистолетному выстрелу». Истина, по Гегелю, есть процесс, становление, и результат, как бы он ни был высок, ничто без всего пути, приведшего к нему.

«Ибо, – как указывает он в «Феноменологии духа», – суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением»³². Один результат, на его взгляд, – это труп, оставивший позади себя жизнь. В «Истории философии» Гегель заметил, что историческая традиция в развитии человеческой мысли, в т.ч. и философии, не есть лишь строящая домоправительница, которая в неизменном виде оберегает

³¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. Б.Г. Столлнера; предисл. М.М. Розенталя. М., 2018.

³² Гегель. Соч.: в XIV т. Т. IV. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. М., 1959. С. 2.

полученное ею. Она не неподвижная статуя, а скорее подобна живому, все более расширяющемуся потоку³³.

Так и юридическое прогнозирование воспроизводит становление и развитие права, предопределяя новую категорию «синехеология права» как основу учения о его непрерывности (от греч. *Συνέχεια* — непрерывность, *λόγος* — учение, наука)³⁴. Синехеология права как отражение юридического прогнозирования фиксирует постоянное движение правовой системы, которая также не является, по гегелевски, неподвижной субстанцией, и законодатель должен чутко улавливать модификации в этом движении, чтобы органично и целенаправленно учитывать их в законодательном процессе и нормативных правовых актах.

Прогностическая категория «будущее правовой системы» имеет самую тесную связь с гегелевским становлением, или диалектической категорией движения. Движение правовой системы отражает происходящие в ней изменения. Развитие правовой системы — направленная форма ее движения в виде прогресса или регресса. История правовой системы, подобно гегелевской истории философии, — это ее развитие, этапы, состояние. Этапы правовой системы фиксируют ее прошлое, настоящее и будущее. Настоящее, будучи итогом прошлого, предопределяет переход к будущему. В «Феноменологии духа» Гегель указывает: «Наше время есть время рождения и перехода к новому периоду»³⁵. Дух порывает со старым миром и, прерывая «постепенность лишь количественного роста», созревает для новой формы.

Исходя из этого суждения немецкого философа, можно заключить, что будущее правовой системы, вытекающее из прошлого и настоящего, присутствует как возможность, оно не является простой экстраполяцией прошлого и настоящего, прямым переносом свойств прошедшего на завтра, в грядущее.

В данном контексте юридическое прогнозирование, раздвигая границы права, призвано стать инструментом приведения к точке соприкосновения государственнического нормативизма и правового либертаризма и имманентной функцией социальной философии и философии права как ее сущностного звена, имеющей, по Гегелю, «своим предметом идею права — понятие права и его осуществление»³⁶.

Так что можно сделать вывод о тесной взаимосвязи юридического прогнозирования, права и его будущего с гегелевской философией.

В. М. Артемов, профессор кафедры философии и социологии МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р филос. наук. «Философия права» Г. В. Ф. Гегеля как свидетельство права философии говорить о праве

Не испытывая какого-то особого интереса к Гегелю, я ещё в студенческие годы пришёл к пониманию значимости его диалектической философии. Во многом это произошло благодаря д-ру филос. наук, проф. В. А. Вазюлину, читавшему на философском факультете МГУ им.

М. В. Ломоносова замечательные лекции по формированию и развитию марксистской философии и ставшему затем моим научным руководителем и консультантом по кандидатской и докторской диссертациям. В настоящее же время, когда набили оскомину всякие фрагментарные мнения и поверхностные суждения обо всем, включая прошлое, настоящее и будущее, особо ощущается потребность общества в должном уровне теоретического постижения самой действительности на основе разума и надёжного метода. Требуется что-то основательное, высвечивающее саму логику действительности и мышления.

Немецкий классик как раз и создал нечто подобное. Не случайно молодой К. Маркс искренне увлёкся, в частности, «Философией права», но по мере сопоставления данной концепции с действительностью даже заболел, когда обнаружил в ней явное расхождение с самой жизнью. Затем, преодолев идеалистическую замкнутость и консерватизм гегелевской системы, автор «Капитала» использовал метод восхождения от абстрактного к конкретному. В целом диалектический подход позволил высветить сущность и важнейшие элементы систем не только права, но и общества в целом. Именно это обстоятельство и привело к тому, что последующие серьезные поиски сути и закономерностей социального развития с учётом личностного фактора не могли осуществляться без теоретического вклада их обоих. В этой связи считаю неоправданной давно изжившую себя практику голословного наклеивания ярлыков. Ведь «нельзя просто сослаться на какие-то авторитеты или огульно “изобличить” в применении якобы устаревшей методологии, не указав при этом на свою собственную»³⁷. Настоящая конференция, в известном смысле «реабилитировавшая» немецкого философа, глубоко проникнувшего в сущность права и не только, — весомый аргумент в защиту приведенного выше тезиса.

Интересно, что и сам Гегель, несмотря на критику И. Канта, условно говоря, диалектически снял у него идею значимости нравственности в обществе. Об этом свидетельствуют сами названия разделов книги, особенно два последних: «Моральность» и «Нравственность». Конечно, смысл, который вкладывает в данные понятия автор рассматриваемого труда, отличается от кантовского, но важным является признание самого принципа первичности именно нравственности по отношению к праву и государству. Кстати, далеко не все это понимают, а некоторые даже пытаются, что называется, поставить телегу впереди лошади. Если семья, гражданское общество и государство выступают в качестве форм проявления нравственности, то право, будучи институтом государства, по определению не может ни отождествляться с нравственностью, ни диктовать ей свою волю. По существу, данная линия теоретического осмысления подлинного положения дел идёт из античной философии, включая Платона и Аристотеля. Не случайно последний был одновременно основателем логики и этики. Получается, что сама логика истории демонстрирует неизменную значимость нравственности в целом и этики, в частности; а основные категории и ценности последней распространяются на любую сферу жизни и деятельности, включая юридическую. Именно по этой причине юристы призваны осуществлять своего рода

³³ См.: Гегель. Соч. Т. IX. Лекции по истории философии. Кн. 1. М., 1932. С. 11.

³⁴ См.: Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал рос. права. 2018. № 8. С. 28, 29.

³⁵ Гегель. Соч. Т. IV. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. С. 6.

³⁶ Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. С. 59.

³⁷ Артемов В. М. Некоторые итоги совместного осмысления актуальных проблем профессиональной этики на правовом поле: взгляд в будущее // Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М., 2021. С. 371.

нравственно-философскую экспертизу актуальных проблем и ситуаций. В свою очередь, для этого нет другого пути, кроме как изучать классическое философское наследие во всех его гранях, не выхватывая только то, что кажется полезным здесь и сейчас. В конечном счете пользу для общества приносит то, что является действительно основательным и перспективным. Последнее не лежит на поверхности, поэтому философ не просто вправе, но и обязан говорить о праве.

И. Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Гегель о правовом отчуждении и его преодолении

Для современных правоведов тема «правовое отчуждение» остается одной из т.н. «вечных» тем юридического дискурса, наряду с такими, например, как иммунитетные права человека или законодательное искусство. Обратимся именно к правовому отчуждению, понимая под ним признание гражданами ценности права, которое приводит их к недоверию к положительному праву. Заметим, что речь может идти также и об антиправовом отчуждении³⁸. Что же такое *правовое отчуждение* в понимании Гегеля? Под правовым отчуждением Гегель понимал «чуждость» права для членов гражданского общества. Каковы же, по мнению Гегеля, причины правового отчуждения?

Во-первых, это невозможность ознакомиться с содержанием законов. В понимании Гегеля преодолеть этот недостаток возможно, — необходимо лишь довести смысл этих законов до «всеобщего сведения». Однако Гегель не считал, что для обнародования законов приемлемы любые формы. Так, он выступал против того, чтобы «развешивать законы так высоко, чтобы их не мог прочесть ни один гражданин, как это делал тиран Дионисий, или похоронить их в пространном научном аппарате ученых книг, сборников...»³⁹.

Как философ Гегель не признавал за юристами монополии на знание позитивного права: «Сословие юристов, обладающее особенным знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из среды, не следует вмешиваться в их дела»⁴⁰. Обосновывая свою точку зрения, Гегель ссылается на то, что понимание общего интереса, выраженного в законе, доступно каждому. Кроме того, он облагораживает позитивное право, заявляя следующее: «Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его»⁴¹.

Во-вторых, правовое отчуждение членов гражданского общества обусловлено, в понимании Гегеля, господством в обществе обычного права. Альтернативой обычному праву для Гегеля является кодификация. Но в отличие от немецкого правоведа Ф. К. Савиньи (1779—1861) у Гегеля мы встречаем реалистическое понимание возможностей кодификации: «Предъявлять к кодексу требование, чтобы он был абсолютно законченным и не допускал дальнейших определений, — требование, являющееся по преимуществу

немецкой болезнью, — и не допускать, вследствие того что он не может быть завершен, создания так называемого несовершенного, т.е. действительного...»⁴².

Гегель оказал огромное влияние на развитие правового мышления студентов немецких университетов, в т.ч. своими взглядами на ценность позитивного права. Именно выпускники этих университетов в дальнейшем составят корпус немецкой бюрократии (в понимании М. Вебера, «бюрократическое управление означает: господство в силу знания; в этом его основной, специфически рациональный характер»).

В современной России проблема правового отчуждения остается актуальной. Но сохраняется ли сейчас «всеобщий правовой (внеправовой) дискомфорт» в России, о котором писали в 90-е годы В. Е. Гулиев и А. В. Колесников? В любом случае большая ответственность лежит на юристах, теоретиках и практиках. Приведем глубокую мысль норвежского криминолога Н. Кристи: «Профессия права имеет дело с ценностями. Если нельзя доверять юристам, то кому же доверять?»⁴³. Кристи делает существенную оговорку, заявляя, что имеет в виду идеальное право, т.е. «высочайшие» правовые нормы, максимально приближенные к общечеловеческим нормам и ценностям.

Ю. С. Завьялов, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук. Метафизика Гегеля и некоторые вопросы соотношения свободы, права и государства

Гегель родился и прожил всю свою жизнь в Германии. После окончания гимназии работал в Йене, Нюрнберге, Гейдельберге и с 1818 по 1831 г. в Берлинском университете. Философия Гегеля еще при его жизни перешагнула национальные границы. Он один из немногих философов, который наслаждался философским превосходством над современниками. Его взгляды получили распространение в Северной Америке, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, континентальной Европе и в России. В середине XIX в. гегельянами были Белинский, Герцен, Огарев, Чернышевский и др. С точки зрения юриспруденции на рубеже XIX—XX вв. к гегельянам может быть отнесен Б. Чичерин, в советское время — А. Пионтковский, в новейшей отечественной истории — В. Нерсесянц. Сам факт, что существуют такие понятия, как «гегельянство» и «неогегельянство», свидетельствует о многом.

Для понимания гегелевского учения (метафизики, философии) важно иметь в виду два обстоятельства. Первое: Гегель, как и Платон, исходил из нереальности единичного. Для Платона реальностью было общее понятие (*universalia sunt realia*). Советский историк философии В. Ф. Асмус полагал, что Гегель был бы Гегелем, но не был бы таким, если бы не было Платона. Гегель руководствовался принципом, что природа реальности целого несамопротиворечива. Второе: характерной чертой гегелевской метафизики выступает триадическое движение (тезис, антитезис, синтез), получившее название диалектики. Гегелевский взгляд коренится в том, что любой предикат, если он берется для обозначения цельной реальности, обнаруживает самопротиворечивость. Следовательно, посредством самого лишь логического

³⁸ См.: Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М., 1998. С. 134.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столлнера и М. И. Левиной; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. С. 252.

⁴⁰ Там же. С. 253.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 254.

⁴³ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Впеч. к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 190.

мышления можно прийти к утверждению конечного вывода диалектики, которая называется абсолютной идеей. Она-то и признается источником всего сущего. А полагает себя абсолютная идея в действительность посредством Мирowego духа. Весь процесс триадического движения гегелевской диалектики сопровождается основополагающим предположением, что ничего не может быть истинным, если оно не рассматривается относительно реальности как целого. Если истина нереальна — то она не истина. В этом конкретность истины. Это весьма важное обстоятельство гегелевского учения о праве и государстве. Гегелевская идея, пройдя триаду абстрактного права, морали и нравственности, реализует себя в качестве общества, организованного в государство. Человек считается свободным, если он осознает себя в качестве гражданина государства. Поэтому, по Гегелю, свобода есть законы (свобода есть право, по Нерсесянцу). С этим, пожалуй, мы можем согласиться, но, по Гегелю, допустим и обратный вариант. Законы есть свобода.

Поскольку элементы целого находятся в единстве, Гегель отрицает разделение властей, предполагающих самостоятельность их и независимость друг от друга. Это противоречит его логике и диалектике, приводящих к абсолютной идее как реального целого, источником всего сущего. Гегель провозглашал, что ничто не может быть истинным, если оно не является частью целого. Поэтому, по Гегелю, приемлемой формой государства выступает королевская власть, а все остальное — её атрибуты.

Маркс упрекал Гегеля не за то, что он оправдал существование прусской монархии, а за то, что он прусскую монархию выдал за сущность государства. Рассуждая с позиции гегелиады, вспомним, что человек становится свободным, сознав себя гражданином государства (часть и целое). Из этого вытекает сакральное — гражданин современного цивилизованного государства свободен?! Мы можем в ответ перечислить предоставленные ему права на свободу слова, вероисповедания, совести, печати, выбора рода занятий, передвижения, выбора места жительства и др. Свободен ли гражданин такого государства? Ответ не прост. И тогда, думается, есть эмпирическое понимание свободы и философское понимание свободы. Это разные вещи. Если свобода есть закон — это эмпиризм. Если рассуждать, что свобода есть право, тогда мы задаемся вопросом: что это такое; и есть ли у права фундаментальные основополагающие основы, которые сопровождают его на всем протяжении его эволюции, или оно (право) есть выражение силы, обычая и традиций (историческая школа права)? Это вопрос философии, предмет философии. В зависимости от решения этого вопроса мы и начинаем понимать соотношения понятий свободы, права и государства.

А.В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Развитие учебной дисциплины «Философия права» и философии права

Прекрасно понимаю, что на философско-правовых конференциях традиционно принято рассматривать довольно классические темы. Но мне хотелось бы поставить одну проблему, которая, может быть, кажется достаточно новой и непривычной, и я даже не уверен в том, как сформулировать эту проблему. Однако кажется, что есть набор социальных явлений, которые уже проявились и которые нуждаются в философско-правовом комментарии, а именно проблемы, связанные с био властью, телом человека и соматикой в широком смысле слова. За последние 30–40 лет постепенно нарастают вопросы, в широком смысле связанные с телом человека и законодательным его регулированием. Например, проблема

абортов, эвтаназии, феминизма, проблема соматических прав в широком смысле слова и текущая ситуация пандемии еще раз остро ставят проблему телесности и контроля за телом со стороны государства. Все это говорит о том, что биоэтика скорее всего не является только лишь медицинской проблемой, а нуждается она и в правовом практическом регулировании, и в философско-правовом осмыслении.

Упомянутые проблемы решаются по-разному в разных правовых порядках. Но тем не менее представляется, что нам пора ставить общий философско-правовой вопрос. Некая био власть, некий контроль за телами является теперь явлением, на которое сейчас обращает внимание и право, и это отражается в правовой реальности. Особенно в свете того, что мы переживаем ныне, вопрос опасной жизни, вспоминая термин Фуко, как никогда приобретает свою актуальность. И в рисках такой опасной жизни все государства мира пытаются нащупать возможности и способы их регулирования. Подобные проблемы — это не только проблемы пандемии, но и проблемы накапливающихся уже годами преимущественно в западном мировоззрении целого блока тем, который можно условно назвать «правовая философия пола и тела».

Полагаю, что здесь, безусловно, есть много точек зрения. Как оценить такой фокус на телесности человека — как некую интеллектуальную деградацию по сравнению с «философией духа» или прогрессивное движение вперед? Все эти вопросы крайне спорны и вызывают совершенно неоднозначную полемику. Решены эти проблемы могут быть по-разному. В Российской Федерации многие из этих вопросов в какой-то мере еще ждут своего решения. Но, как представляется, вопросы ценностей все-таки во многом в последнее время концентрируются вокруг соматики, становятся крайне актуальны уже и в смысле конкретной государственно-правовой практики. Поэтому предполагаю, что в дальнейшем философия права как наука и как учебная дисциплина должна все-таки дать свой комментарий по биоэтическим вопросам.

Объектом регулирования теперь становится не просто абстрактное физическое лицо, но объектом и одновременно субъектом становятся тела людей с их биологическими свойствами. И это затрагивает жизнь всего общества. Поэтому вопросы и пределы ограничения прав человека, с моей точки зрения, нуждаются в серьезнейшем философско-правовом осмыслении. Как будут решены эти вопросы, какие будут высказаны точки зрения — иногда даже трудно представить. Но тем не менее, например, в конституционном праве такая дискуссия уже отчасти началась. Это вполне должно стать предметом рефлексии и в рамках философии права и может стать в целом одной из тем для обсуждения и научных дискуссий в дальнейшем.

* * *

Проблемы, затронутые в выступлениях участников конференции, вызвали оживленную полемику. Обсуждение темы преемственности в философии права было решено продолжить в последующих творческих проектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал рос. права. 2018. № 8. С. 28, 29.
2. Артемов В. М. Некоторые итоги совместного осмысления актуальных проблем профессиональной этики на

- правовом поле: взгляд в будущее // Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М., 2021. С. 371.
3. *Вейль Эрик*. Гегель и государство. Пять докладов / пер. с франц. В.Ю. Быстрова. М., 2009. С. 210.
 4. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики / пер. Б.Г. Столпнера; предисл. М.М. Розенталя. М., 2018.
 5. *Гегель Г.* Политические произведения. М., 1978. С. 208.
 6. *Гегель Г.* Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 315, 316.
 7. *Гегель*. Соч.: в XIV т. Т. IV. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. М., 1959. С. 2, 6.
 8. *Гегель*. Соч. Т. IX. Лекции по истории философии. Кн. 1. М., 1932. С. 11.
 9. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. 2-е изд. М., 2014. С. 113–118.
 10. *Гегель*. Философия права // Гегель. Соч. Т. VII. М., 1934. С. 26.
 11. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 59, 90, 98, 252–254.
 12. *Гегель*. Философия права. Раздел третий. Неправо (Unrecht): § 82, 83. URL: <http://psylib.org.ua/books/gegel03/txt04.htm>
 13. *Герцен А.И.* Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 18.
 14. *Гулиев В.Е., Колесников А.В.* Отчужденное государство. М., 1998. С. 134.
 15. *Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др.* Пути развития философии права в России: круглый стол междисциплинарного Центра философии права Института философии РАН. 7 декабря 2016 г., Москва // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 9–49.
 16. *Ершов В.В.* Право и неправое с позиции Г.В. Гегеля // Росс. правосудие. 2020. № 9. С. 6.
 17. *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля / пер. с франц. и послесл. И. Фомина; ред. В. Большакова. М., 1998. С. 97.
 18. *Кожев А.* Источник права: антропогенное желание признания как источник идеи справедливости // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 156.
 19. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2006. С. 55.
 20. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М., 1904. С. 260, 263.
 21. *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001. С. 190.
 22. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. С. 312 (автор – Е.А. Воротилин).
 23. История политических учений. Ч. 1 / под ред. К.А. Мокичева М., 1959. С. 323 (автор – Ю.Ф. Сальников).
 24. *Лазарев В.В., Литень С.В., Саидов А.Х.* Проблемы общей теории *ius*. М., 2012. С. 119.
 25. *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.
 26. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 124–174, 220–227.
 27. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М. 2005. С. 182.
 28. *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.
 29. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
 30. *Нерсесянц В.С.* «Философия права»: история и современность // *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1999. С. 6, 7, 15, 16.
 31. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 34, 623, 624.
 32. *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 30.
 33. *Рикёр П.* Справедливое. М., 2005. С. 40.

REFERENCES

1. *Agamirov K.V.* Legal forecasting as a factor of improvement of the Russian legal system // Journal of Russian law. 2018. No. 8. P. 28, 29 (in Russ.).
2. *Artemov V.M.* Some results of joint understanding of actual problems of professional ethics in the legal field: a look into the future // Professional ethics and moral philosophy: convergence in the paradigm of humanization of law / es. ed. V.M. Artemov, O. Yu. Rybakov. M., 2021. P. 371 (in Russ.).
3. *Weil Erik.* Hegel and the state. Five reports / transl. from French V. Yu. Bystrova. M., 2009. P. 210 (in Russ.).
4. *Hegel G.V.F.* Science of logic / transl. by B.G. Stolpner; preface M.M. Rosenthal. M., 2018 (in Russ.).
5. *Hegel G.* Political works. M., 1978. P. 208 (in Russ.).
6. *Hegel G.* Works of different years: in 2 vols. Vol. 1. M., 1970. P. 315, 316 (in Russ.).
7. *Hegel.* Essays: in the XIV vols. Vol. IV. The system of Sciences. Part 1. The phenomenology of the spirit. M., 1959. P. 2, 6 (in Russ.).
8. *Hegel.* Essays. Vol. IX. Lectures on the history of philosophy. Book. 1. M., 1932. P. 11 (in Russ.).
9. *Gegel G.V.F.* Phenomenology of the spirit / transl. from the German G.G. Shpet. 2nd ed. M., 2014. P. 113–118 (in Russ.).
10. *Hegel.* Philosophy of Law / Hegel. Essays. Vol. VII. M., 1934. P. 26 (in Russ.).
11. *Gegel G.V.F.* Philosophy of Law / transl. from German B.G. Stolpner and M.I. Levina; ed. and comp. D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants; auth. introduction and notes by V.S. Nersesyants. M., 1999. P. 59, 90, 98, 252–254 (in Russ.).
12. *Hegel.* Philosophy of Law. Section three. Wrong (Unrecht): § 82, 83. URL: <http://psylib.org.ua/books/gegel03/txt04.htm> (in Russ.).
13. *Herzen A.I.* Essays: in 9 vols. Vol. 5. M., 1956. P. 18 (in Russ.).
14. *Guliyev V.E., Kolesnikov A.V.* Alienated state. M., 1998. P. 134 (in Russ.).

15. *Huseynov A.A., Stepin V.S., Smirnov A.V. ets.* Ways to develop the philosophy of law in Russia: Round Table of the interdisciplinary center for the Philosophy of Law of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences. December 7, 2016, Moscow // Russ. journal of legal research. 2017. No. 1 (10). P. 9–49 (in Russ.).
16. *Ershov V.V.* Right and wrong from the position of G.V. Hegel // Russ. justice. 2020. No. 9. P. 6 (in Russ.).
17. *Kozhev A.* The idea of death in Hegel's philosophy / transl. from French and afterword I. Fomin; ed. V. Bolshakova. M., 1998. P. 97 (in Russ.).
18. *Kozhev A.* Source of law: the anthropogenic desire for recognition as the source of the idea of justice // Question of philosophy. 2002. No. 2. P. 156 (in Russ.).
19. *Kozhev A.* The concept of power. M., 2006. P. 55 (in Russ.).
20. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. M., 1904. P. 260, 263 (in Russ.).
21. *Kristi N.* Fighting crime as an industry. Forward to the Gulag of the Western region. M., 2001. P. 190 (in Russ.).
22. History of political and legal doctrines / ed. by O.E. Leist. M., 1997. P. 312 (author – E.A. Vorotilin) (in Russ.).
23. History of political doctrines. Part 1 / ed. by K.A. Mokicheva. M., 1959. P. 323 (author – Yu. F. Salnikov) (in Russ.).
24. *Lazarev V.V., Lipen S.V., Saidov A. Kh.* Problems of General theory jus. M., 2012. P. 119 (in Russ.).
25. *Lapaeva V.V.* Socialism as a natural stage of the world-historical process: from the standpoint of the concept of civilization V.S. Nersesyants // Question of philosophy. 2017. No. 7. P. 44–56 (in Russ.).
26. *Lapaeva V.V.* Types of law: legal theory and practice. M., 2012. P. 124–174, 220–227 (in Russ.).
27. *Morozova L.A.* Theory of state and law. M., 2005. P. 182 (in Russ.).
28. *Nersesyants V.S.* The national idea of Russia in world-historical progress equality, freedom and justice. Manifesto about civilization. M., 2001 (in Russ.).
29. *Nersesyants V.S.* The right – mathematics of freedom: past experience and prospects. M., 1996 (in Russ.).
30. *Nersesyants V.S.* “Philosophy of Law”: history and modernity // *Hegel G.W.F.* Philosophy of Law. M., 1999. P. 6, 7, 15, 16 (in Russ.).
31. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: Textbook for higher education institutions. M., 2006. P. 34, 623, 624 (in Russ.).
32. *Radbrukh G.* Philosophy of Law. M., 2004. P. 30 (in Russ.).
33. *Riker P.* Just. M., 2005. P. 40 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. – PhD in Law, leading research fellow, sector of Constitutional Law and Constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia